

ДЭНИЕЛ АБРАХАМ

ЗАКОН ТИРАНА

ЗДЕСЬ ЕСТЬ ВСЕ,
ЧЕГО Я ЖДУ
ОТ ФЭНТЕЗИ.

ДЖОРДЖ Р. Р. МАРТИН

КИНЖАЛ И МОНЕТА • КНИГА 3

Звезды новой фэнтези

Дэниел Абрахам

**Кинжал и монета.
Книга 3. Закон тирана**

«Азбука»

2013

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

Абрахам Д.

Кинжал и монета. Книга 3. Закон тирана / Д. Абрахам —
«Азбука», 2013 — (Звезды новой фэнтези)

ISBN 978-5-389-33177-8

Третий роман цикла «Кинжал и монета» от соавтора эпической космооперы «Пространство». Война, которую ведет Антея, пока что приносит успехи, но каждое новое завоевание ослабляет империю и усиливает сопротивление врагов. Правитель Гедер Паллиако решает добиться мира, и ему безразлично, сколько людей придется ради этого истребить. Его знатные сторонники утрачивают веру в победу, зато полны фанатичной решимости жрецы паучьей богини – главная опора Паллиако и его секретное оружие. Тем временем Клара Каллиам, вдова казненного тираном военачальника, с огромным риском для жизни сеет семена заговора. В другой стране банкир Китрин бель-Саркур в меру своих сил препятствует триумфальному шествию империи. А старый воин и жрец-отступник отправляются в далекое и опасное путешествие по следам древней тайны – с крайне зыбкой надеждой на то, что она поможет переломить ход войны. Впервые на русском!

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

ISBN 978-5-389-33177-8

© Абрахам Д., 2013
© Азбука, 2013

Содержание

Пролог	9
Клара Аннализа Каллиам, бывшая баронесса Остерлингских Урочищ	13
Лорд-Регент Гедер Паллиако	19
Китрин Бель-Саркур, доверенное лицо Медеанского банка в Порте-Оливе	24
Капитан Маркус Вестер	30
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Дэниел Абрахам

Кинжал и монета. Книга 3. Закон тирана

Daniel Abraham

THE TYRANT'S LAW

Copyright © Daniel Abraham, 2013

Published in agreement with the author, c/o BAROR INTERNATIONAL, INC., Armonk,
New York, U.S.A.

All rights reserved

© Daniel Abraham, 2013

© И. В. Майгурова, перевод, 2026

© Издание на русском языке, оформление

ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

Издательство Азбука®

* * *

Звезды
НОВОЙ
ФЭНТЕЗИ

ДЭНИЕЛ АБРАХАМ

ЗАКОН ТИРАНА

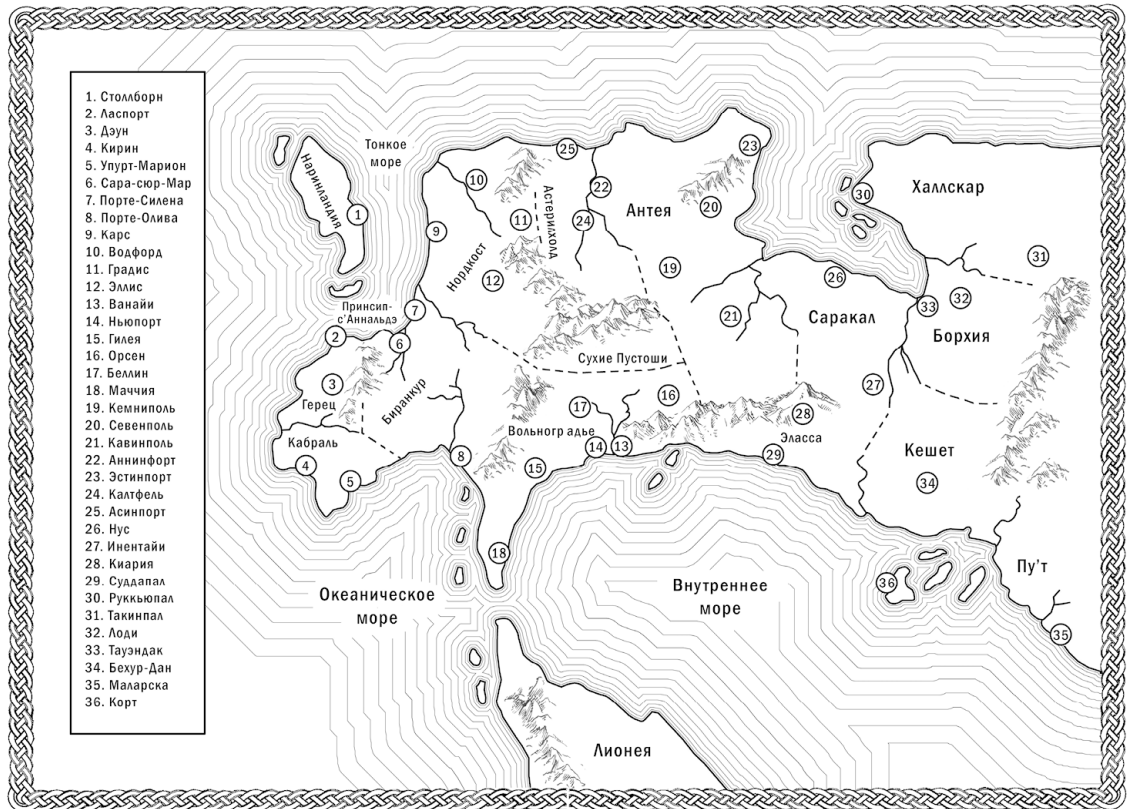
КИНЖАЛ И МОНЕТА • КНИГА 3

АЗБУКА

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Посвящается Кэтрин и Скарлет

Пролог

Миллон из клана Мюрро

Миллон поскользнулся во мраке и рухнул на одно колено. Прибрежные камни впились в кожу, сквозь штаны проступила кровь. Шедший впереди старый рыбак по имени Кирот остановился и поднял над головой фонарь, седые брови вопросительно дернулись – мол, идешь или будешь тут торчать? Севернее морской прибой грохотал обломками льдин, на юге ждала окутанная тьмой родная деревушка. Миллон с усилием поднялся. Подумаешь, кровь. Не впервой. Кирот кивнул и вновь пустился в долгий и трудный путь вдоль берега.

Звуки шагов на фоне мерно накатывающего прибоя напоминали замысловатый ритмический узор брачного танца. Миллон почти вживую слышал дрожащие трели скрипок и перестук ракушечных барабанов. Он припомнил разговоры о том, что из тринадцати человеческих рас хаавирки более всех восприимчивы к музыке, правда на его памяти так утверждали лишь сами хаавирки. Из глубин мелодии возник женский голос, взметнулся руладами и в чувственном порыве прильнул к струнным переливам. Наваждение, понял Миллон. Отец говорил – то голос моря. Миллон прежде слышал такое и с лодки в предрассветных сумерках, и на берегу после изматывающего дня в холодных северных водах: иногда музыка, иногда голоса – то в мирной беседе, то в споре. Кое-кто из дряхлых стариков или зеленых юнцов иной раз объявлял пение настоящим – дескать, это утопленцы зывают к хаавиркам как к родственной человеческой расе. Отец Миллона только отмахивался: чушь. Голоса – плод воображения, разыгрывающего от грохота льда и волн. Миллон тоже так считал.

Берег здесь был неприветлив. Скалы, каменистая отмель. Тяжелые зеленые крабы, снежно-серые чайки. Ночи порой радовали золотисто-зелеными сполохами полярного сияния, однако сейчас небо затянули низкие темные облака, в воздухе веяло близящимся снегопадом. Сквозь клочья облаков временами проглядывала луна, бросала луч на мужчин и вновь скрывалась. Впрочем, нет. Мужчина здесь был только один, второй лишь готовился им стать. Утро Миллон встретил еще мальчиком, уснет уже мужчиной, а сейчас он в опасном промежутке между двумя состояниями – ни то ни другое. Потому-то он и идет сейчас по этому берегу.

Он знал, что от фонаря Кирота лучше отвернуться, иначе будет слепить глаза. Надо смотреть в сторону – так виднее в темноте. Однако взгляд невольно устремлялся к огню, и у Миллона не хватало воли его отводить. В каждой из рыбацких деревушек, сотнями усеявших берег Халлскара, был свой клан, свой ритуал, свои тайны, символы и священнодействия. Между иными кланами царила кровавая вражда, причины которой забылись поколения назад. Мужчины из клана Водман, с красно-синими татуировками на лицах, упорно топили корабли зеленоликих членов клана Лю'с, а те жгли солильни Водманов, пока более старший клан из Руккюпала не заставил всех примириться. В одних кланах мальчик считался мужчиной лишь после того, как проведет месяц в море на собственноручно изготовленной лодке. В других испытуемым полагалось поститься до тех пор, пока не сойдет весь подкожный жир, традиционный для хаавирков, и истончившаяся кожа не повиснет складками. Для Миллона и всех мальчиков клана Мюрро существовал специальный обряд посвящения. Вечер песен и уютной ласки, последняя ночевка на женской половине дома, следом с рассвета до заката – ритуальные поединки и побои, от которых у Миллона теперь болела спина и подрагивали ослабшие колени.

А затем – тайное посвящение, о сути которого не слышали мальчики и никогда не говорили мужчины. Даже сейчас Миллон знал лишь то, что ради этого нужно самой долгой ночью в году куда-то брести по берегу во время отлива.

Кирот, хмыкнув, шагнул левее. Миллон затуманенным умом не сообразил зачем, пока сам не наступил в полузамерзшую лужу между скальными выступами. Люди других рас – пер-

вокровные, тралгуты, йеммуты и даже куртадамы с их лоснящимся от жира мехом – в такую ночь, промочив ноги, рисковали бы погибнуть от холода. Однако драконы создали хаавирков для жизни на севере, поэтому Миллон лишь скривился – подумаешь, незадача. Сегодня сплошь незадачи, день такой.

Кирот шумно вздохнул, остановился и вытащил из шляпы косяную курительную трубку. Набив ее табаком, он зажал чубук между потемневшими от гнили зубами, склонился к огню фонаря и всосал дым, как младенец – материнское молоко. Во взгляде, который он бросил на Миллона, была торжественность: дорога кончилась, пришли. Старый рыбак протянул трубку Миллону. У того мелькнула мысль, не стоит ли напоказ закашляться от дыма? Мальчишкам табак не полагался, однако почти все ухитрились время от времени стащить щепотку-другую у отца или старшего брата. Миллон, припав к нагретой трубке, втянул в себя дым; угли засветились во тьме, как глаза дартина. По улыбке Кирота он понял, что все сделал верно.

– А теперь слушай, – бросил Кирот; при звуке живого голоса, доносящегося не изнутри головы, Миллон вздрогнул. – Из всех хаавирков только наш клан знает великую тайну, главную в целом свете. Слышишь? Есть такая штука, которую знаем мы одни.

– Ну, – отозвался Миллон.

– Помнишь Йосена, сына Кхола?

Миллон кивнул.

– Его не сетями утащило, – продолжал Кирот. – Он болтал о тайне с кем не надо. О той самой тайне, что ты сейчас узнаешь. Йосена прикончил его собственный отец. И твой тебя прикончит, коли станешь болтать о мужских секретах. Что здесь узнаешь – никому знать не дано, кроме мужчин нашего клана. Понял?

Миллон вновь кивнул.

– Вслух говори, – велел Кирот. – Чтоб уж без недомолвок.

От теплого дыма в голове успело проясниться, чуть стихла боль в теле. Миллон затянулся еще раз и выпустил дым через ноздри. В берег ударила мощная волна, выбросила на камни кинжальные обломки льда и отхлынула обратно во мглу.

– Если проболтаюсь о том, что сейчас узнаю, то мне не жить.

– И никто не дознается до причин, – добавил Кирот. – Ни родная мать, ни твои собственные жены – коли они у тебя будут. Несчастный случай, вот и все.

– Ясно, – выдохнул Миллон.

Кирот расправил широкие плечи, в хребте хрустнуло – будто переломилось несколько хворостин.

– Ты ведь знаешь, как пробуждаются от сна? – спросил он. – Спишь себе и видишь, как пьешь козье молоко с покойной тетушкой, или еще какую чушь. Потом очнешься – и вся картинка растаяла. А если заснул уставшим или, может, в дреме услышал издали собачий лай и не совсем проснулся – то бывает, что видишь сразу и сон, и явь. Сны-то потом исчезнут: они только видимость, мельтешение в мозгу. Когда утром встаешь и берешься за дело – не всякий раз и вспомнишь, что там ночью пригрезилось.

Миллон еще раз припал к трубке. Колени дрожали меньше, спину ломило больше. До него вдруг дошло, что Кирот почему-то смотрит раздраженно. Миллон мотнул головой.

– Спрашиваю снова, не отвлекайся. Знаешь ли ты, каково это – пробуждаться от глубокого сна?

– Знаю.

– Ну вот. В этом сне, который растает, помещается целый мир. Мы с тобой, море с небом. Все что ни есть. Это все снится драконам. И если проснется последний дракон – нам крышка. Все, что происходило за все времена, разом сгинет. Будто не было.

Кирот говорил небрежно, словно рассуждал с друзьями о погоде или будущем улове. Миллон ждал разъяснения притчи. Вновь ударила о берег волна, загрохотали камни и льдины. В тусклых лучах фонаря лицо Кирота показалось ему сконфуженным.

– Ну ладно, – буркнул старый рыбак, поворачиваясь спиной к морю. – Чего время тянуть. Пошли.

Миллон подумал было, что уже пора возвращаться в деревню, и его, уставшего до полубеспамятства, переполнила радость пополам с разочарованием. Однако Кирот повел его не к притихшим в темноте домам, а к скалам. Веками напролет здешние приливы подтачивали береговой камень, смывали в море грунт и обнажали остов мира. Скалы пестрели тоннелями и пещерами – ступками тьмы на фоне тьмы. К одному из таких и направлялся Кирот, по-прежнему держа в руке качающийся фонарь. Миллон лишь порадовался тому, что старый рыбак не забрал у него трубку.

Пол пещеры, слегка покатый, лежал ниже полной воды. Ноги вязли в принесенных морем водорослях и древесных обломках, среди которых наверняка прятались крабы и ледовые змеи. В стылom воздухе пахло соленой водой и гнилью. Кирот вздернул фонарь повыше, бормотнул что-то под нос и побрел вперед, в самую темень. Миллон не отставал. Пещера, все углубляясь, за поворотом превратилась в тоннель; под ногами теперь вместо бурой и темно-серой гальки лежал гладкий, почти блестящий зеленый камень. Миллон однажды видел нож из драконьего нефрита, прочного и не теряющего остроту – по виду такого же. По камню тянулась черная полоса – граница, до которой доходит прилив. Миллону смутно казалось, что они не успели бы зайти так высоко, но при затуманенной голове часть пути по тоннелю могла и не запомниться. Скорее всего, табак в Киротовой трубке был не без примесей.

– Пришли, – шепнул Кирот. – Главное – не шуми.

Он протянул Миллону фонарь. В хмуром лице старого рыбака отразилось замешательство и чуть ли не страх, и Миллону, несмотря на всю усталость и боль, стало слегка не по себе. Он взял фонарь. Кирот мотнул головой, побуждая Миллона идти дальше, забрал у него трубку и опустился на корточки, словно собираясь просидеть в темноте целую вечность. Миллон зашагал вперед.

Оканчивался тоннель просторным залом. Миллон много раз бывал в соляных пещерах – природных углублениях, где мягкую породу размыло так, что обнажилась плоть мира. Однажды он даже нашел заброшенное логово контрабандистов с ржавыми остатками клинков и осколками глиняных сосудов. Здешнее подземелье не имело с теми пещерами ничего общего. Ярко-зеленые отвесные стены казались выправленными по линейке, от вырезанных на них черных линий шли мурашки по коже. Железные подфакельники, некогда торчавшие из стен, давным-давно съела ржавчина, остались лишь черные потеки. А перед Миллоном, в самой середине пространства, стоял дракон – громадное, размером больше среднего дома, изваяние. Закрытые глаза, каждый крупнее головы Миллона. Широкие когти, под любым можно укрыться так, что никто не найдет. Огромные крылья, сложенные по бокам.

Миллон не сразу заметил, что по лицу текут слезы. Ни величественная красота статуи, ни внушаемый ею леденящий ужас не поддавались описанию. Он тихо выругался; рядом с драконом слова прозвучали почти молитвой. С трепещущим сердцем он протянул руку и коснулся ладонью широких чешуек.

Камень. Холодный, мертвый камень.

Он слышал, что в больших городах есть диковины – и древние изображения драконов, сделанные еще с живой натуры, и отпечатки массивных когтей, и удивительные бестиарии, и загадочные башни. Слышал и об огромных таинственных кораблях, брезживших перед рыбаками в морозном тумане и никогда не подходивших к берегам. Мир полнился рассказами о чудесах, но самих чудес Миллон никогда не видел. До нынешнего дня.

Он сел на жесткий холодный пол – усталые ноги плохо держали. По щекам катились горячие слезы, которых Миллон не стыдился. В груди разливалось жаркое пламя при мысли о том, что теперь он посвящен в тайну. Более того – он наконец стал мужчиной. Он представил себе, как юный черноволосый Кирот, без единой морщины на лице, десятки лет назад сидел на этом же месте. И отец Миллона, и старшие братья. Вся жизнь они свято хранили секрет, и никакие узы дружбы, привязанности или верности не могли этого нарушить. Сегодня к ним присоединился и Миллон. Теперь он знает то же, что и они. Он уже не ребенок, а мужчина клана Мюрро. И явленную ему тайну, разумеется, будет хранить до могилы.

Огонек фонаря дрогнул, запахло масляным чадом. Оказаться в храме без света и пробираться к Кироту ощупью в непроглядной черноте – не дело. Миллон поднялся на ноги, но что-то мешало ему просто так уйти. Тянуло как-то подытожить увиденное, обозначить свою причастность.

– Я сохранию эту тайну, – разнесся под сводами пещеры его высокий голос. – Никому не скажу.

Ему почудилось, будто от каменной статуи в ответ исходит безмолвное одобрение, почти благодарность. Обман чувств, конечно. Как голос моря. Впрочем, Миллону было безразлично: этот миг в тиши пещеры, когда за спиной морской простор, а перед глазами дракон, все равно запомнится ему навсегда.

Внезапно откуда-то нахлынул звук, как грохот гигантской волны, и Миллон осел на землю. Массивное изваяние дрогнуло, по широкому боку прошла рябь, посыпалась пыль с чешуи. Статуя повела когтями, подняла голову – огромная пасть раскрылась в широком зевке. Внутри мелькнула черная влажная поверхность; горячее дыхание, от которого веяло запахом масла, разнеслось по воздуху, как винные пары. Массивная голова опустилась, легла на сложенные когти и вновь застыла в неподвижности. Миллон услышал тонкий смешок, больше похожий на нервное девчоночье хихиканье, и понял, что смеется он сам.

Крепкая мозолистая рука вцепилась ему в волосы и потащила назад, другая накрыла рот, заглушая рвущийся наружу визг. Кирот раздраженно сгреб еще горящий фонарь и вытолкнул Миллона обратно в тоннель. На обратном пути постепенно стены скруглились и стали обычными каменными, вновь послышался рокот моря и треск льдин, гонимых волнами. Выйдя на каменистый берег, Кирот остановился и поднял фонарь.

– Сказано же тебе – если дракон проснется, мир сгинет! – прошипел старый рыбак. – Сказано – не шуметь! А ты?!

– Я нечаянно.

Кирот раздраженно сплюнул.

– Миллон, сын Гитана из клана Мюрро! – бросил он с нескрываемым презрением. – Я ныне свидетельствую, что ты стал мужчиной. Да не больно-то о себе воображай.

Клара Аннализа Каллиам, бывшая баронесса Остерлингских Урочищ

Клара проснулась под звуки знакомой перепалки за окном. В тесной комнате постоянного двора царил ночной мрак, еще не превращенный рассветными лучами в серые сумерки. Промасленный пергамент, закрывающий окно вместо стекла, пропускал внутрь не так уж много света и почти не спасал от холода. Клара подтянула к подбородку шерстяные одеяла и вжалась в тонкий тюфяк. Муж с женой обрушивали друг на друга привычные обвинения. Он – пропойца и старая развалина с мозгами неразумного малолетки. Она – стерва, высасывающая из мужа всю кровь и не дающая спокойно вздохнуть. Он шляется по девкам. Она каждый заработанный им грош сует своему братцу. Все тот же набор супружеских упреков – обыденный, скучный, безрадостный. А печальнее всего, думала Клара, что эти двое не могут разглядеть любовь, поверх которой громоздят свои обиды. Не станешь ведь оглашать улицу криками и рыданиями, если человек тебе безразличен. Какими бы глазами они на нее смотрели, случись ей подойти к этим людям и объяснить, как им повезло, что они вместе?

Наконец она встала; в ясном сумраке комнаты было видно, как от зимнего холода выдыхаемая влага превращается в облачка. Клара поспешно натянула на себя сорочку и прочее белье и надела платье с корсетом, застегивающимся на боку и позволяющим обходиться без служанки. При других обстоятельствах она носила бы траур, но, когда твоего мужа как государственного изменника убивает лорд-регент, правила слегка меняются. Приходилось довольствоваться повязанной вокруг запястья лентой, которую легко прикрыть рукавом. Клара знала, что лента на месте, и этого вполне хватало.

В прибавляющемся утреннем свете бывшая баронесса умылась и привела в порядок волосы. С улицы теперь доносился грохот телег, слышались крики возчиков, где-то раздавался собачий лай. Звуки зимнего Кемниполя. Доусон терпеть не мог навещать в столицу среди зимы – «по зимним делам», как он это презрительно называл. Вельможа его ранга обычно проводил зимние месяцы в собственном поместье или присоединялся к королевской охоте. Теперь, правда, не было и поместья: лорд-регент Гедер Паллиако конфисковал земли в пользу короны и позже, вероятно, выдаст их кому-нибудь в качестве награды. Баронесса же располагала лишь скудными средствами, которые с трудом добывали для нее двое младших сыновей. Старший сын, Барриат, обретался неведомо где, а родная дочь Клары изо всех сил прикрывалась именем мужа и молилась, чтобы при дворе забыли, что ее девичья фамилия Каллиам.

В общей комнате Клара ждал у огня Винсен Коу. Он по-прежнему носил кожаные одежды егеря, хотя никакой охоты в городе не предвиделось, да и господина, которому он служил, не было в живых. Смешная любовь к баронессе, в которой он не раз признавался, читалась в его сияющем взгляде и в нерешительности при виде Клары. По светскому счету, разумеется, такие чувства были ниже достоинства баронессы, но они ей льстили, и Клара, вопреки себе, находила их милыми.

– Я приберег для вас миску овсянки на завтрак, – сообщил Винсен. – И чай скоро заварится.

– Благодарю, – ответила Клара, садясь у небольшой железной печки.

– Позволено ли мне сегодня сопровождать вас, миледи?

Этот вопрос Винсен задавал каждый день – как ребенок, спрашивающий разрешения у любимого учителя.

– Не откажусь, спасибо, – ответила Клара, как часто бывало. Часто, но не всегда. – У меня сегодня несколько дел.

– Слушаюсь, миледи.

Винсен не думал спрашивать, что у нее за дела, – он и без того знал.

Клара собиралась низложить власть и, если получится, уничтожить Гедера Паллиако.

Она пока не имела точного плана действий, однако вся ее жизнь прошла при дворе, где она множество раз наблюдала закулисные кампании, призванные кого-нибудь скомпрометировать или устранить. Никаких секретных навыков для этого не требовалось: завязывай знакомства, болтай о пустяках и внимательно слушай все, что тебе рассказывают. Дамы, которым не удавалось преуспеть в интригах, обычно были нетерпеливы – то они слишком навязывали другим свое мнение, то чересчур рьяно раздували скандал без должных оснований. Создавать поводы искусственно – дело ненадежное, лучше использовать те, которые сами подворачиваются. Главное их не упустить.

Как и в большинство предыдущих дней, сегодня Клара первым делом остановилась у хлебной лавки на западном краю Разлома. Лавкой владел один из немногих йеммутов, обосновавшихся в Кемниполе, – плотный, широкий в кости, с выступающими из нижней челюсти бивнями, украшенными резьбой с изображением племенных символов Кешета. И хотя по виду он напоминал диковину с экзотической выставки, речь его звучала чисто и естественно.

– А! Королева голубей! Входите, входите.

Клара улыбнулась, хотя про себя считала прозвище, придуманное для нее йеммутом, несколько бесцеремонным.

– Как поживаете нынче, Мелиан? Надеюсь, ваша жена выздоравливает.

– Ей уже лучше, миледи, – ответил лавочник, вытаскивая из-за прилавка холщовый мешок с черствыми булочками и небольшими буханками вчерашнего хлеба. – Я ей скажу, что вы спрашивали.

Деньги, получаемые Кларой от сыновей, позволяли существовать сносно, но без излишеств. Средств хватало бы и на большее, реши Клара тратить их иначе. Запах свежего хлеба в лавке каждый раз казался невероятно соблазнительным – густой, насыщенный, сладкий от патоки и пряный от запеченных орехов. Она положила на прилавок две монеты, лавочник смахнул их в широкую ладонь.

– Голуби сегодня вновь наедятся досыта, – ухмыльнулся он, обнажая рядом с узорчатыми бивнями редко поставленные зубы, пожелтевшие от времени и от кофе.

– Может, в этот раз они ответят благодарностью, – ответила с улыбкой Клара.

Винсен, уже подхвативший мешок, открыл перед ней дверь.

На улицах белел старый лед, перемежающийся с черной грязью. Из низких облаков сыпались смерзшиеся капли дождя размером с младенческий зубик – ни снег, ни град. В воздухе пахло влагой и холодом. Придворные проводили зиму вдали от столицы, однако улицы здесь наполнились людьми почти как раньше. Минувший год принес немалые тяготы. После короткой победоносной войны с Астерилхолдом грянул ужасающий, обреченный на поражение мятеж в стенах столицы. Теперь Кемниполь восстанавливали – это было заметно даже на улицах. Огромные бревна везли телегами к северной части города, где при смуте жгли особняки аристократов. Гранитные и мраморные плиты доставляли к дворцам, стены и фасады которых стояли разбитыми или покоробленными от огня. И арестантов по-прежнему сгоняли собирать с улиц остатки баррикад, обломки карет и иногда трупы бедняков – и сбрасывать их с мостов в глубокую свалку на дне Разлома. Прежний город исчез. Суетливый, как развороченный муравейник, Кемниполь изо всех сил пытался найти себе новое обличье. Кларе не очень хотелось думать какое.

Из всех столичных мостов, пересекающих Разлом, Арестантский мост был самым южным и самым старым. Конструкция его не несла никаких следов вычурности; массивные бревна старинных деревьев, пошедших на его строительство, покрывала темная смола, оберегающая древесину от насекомых, а значит, от разрушения. На ветру огромный мост скрипел, как корабль в океане. Городские арестанты размещались в подвешенных под ним клетках, удерживаемых

над пропастью мощными железными цепями и толстыми ремнями из плетеной кожи. Сейчас, как и обычно по утрам, теснящиеся на мосту друзья и родные пытались спустить в клетки продукты и питье, без чего узникам не дожить до освобождения. Арестантам без семьи, которым жена или ребенок не приносили бы ежедневно воду и хлеб, даже недельное заключение грозило смертью. Власть не заботилась о преступниках. Клара слышала, что в общинах воров и убийц собирали взносы, как в обычных крупных союзах, для прокорма собратьев, попавших в руки судей-магистратов. На мосту она даже видела личностей, вполне годящихся быть членами таких общин. Впрочем, по большей части узников навещали члены семьи. Грязные, понурые женщины, спускающие в клетку корзину на бечевке. Мужчины без надежды в глазах, бросающие куски сыра в открытые ладони жен и любовниц. Ходили рассказы, что временами кто-нибудь из пришедших перегибался чересчур, и тогда узники в ужасе наблюдали, как их спаситель летел в пропасть, разверстую далеко внизу.

Бывали здесь и другие личности. Мальчишки, приходящие помочиться с моста или забросать арестантов дохлыми крысами и гнилыми фруктами. Городская стража их не останавливала, даже поощряла. О тех из них, кто оступался и падал в пропасть, тоже ходили рассказы, далеко не такие трагичные.

Клара прошла от одного края моста до другого, мало-помалу опустошая мешок. Вот Шалер, жена карманника, принимает из ее рук вчерашнюю булочку для полузамерзшего мужа. Вот тралгут Кассиан, с посиневшими от холода кончиками ушей, пришел навестить посаженного в клетку отца. Вот Беррин, чья сестра арестована за неуплату налогов. Вот Таракли, его сын убил соседскую собаку. Каждому Клара давала еды, с каждым останавливалась поговорить, спросить имя и послушать рассказ о невзгодах, тронуть за руку или за плечо. Она приходила сюда посланницей милосердия, которая наблюдает без осуждения и сочувствует без унижающей жалости.

И незаметно для этих людей Клара делала их своими союзниками.

Когда мешок опустел, Винсен сложил его и сунул за пояс. Они с Кларой направились к восточному концу моста и затем свернули на север, к Кингшпилю. Улицы мало-помалу становились более широкими, здания – более затейливыми. Вскоре вокруг Клары с Винсеном замелькали дома богатых, затем особняки высородных. Улицы, вычищенные слугами, сверкали черным камнем – ни конского навоза, ни застарелого льда. Телеги рабочего люда уступали дорогу каретам и паланкинам. Здания имели по три или четыре этажа, вокруг особняков были сады и лужайки с голыми деревьями и бурыми живыми изгородями. Почти всю жизнь Клара жила на таких же улицах, ездила в карете по таким же мостовым и принимала это как должное. Всего лишь несколько месяцев назад она была баронессой Остерлингских Урочищ и женой верховного маршала – однако сейчас ей казалось, что она попала в чужую страну. Когда Клара остановилась купить в лавке три мясных пирога и бурдюк разбавленного вина, продавщица притворилась, что видит ее впервые.

Выйдя из лавки, Клара свернула на восток. По северной дороге было бы быстрее, но там стоял храм паучьей богини, веру в которую Гедер Паллиако притащил из Кешета, и Кларе совсем не хотелось лишний раз увидеть багряное шелковое знамя с восьмичастной эмблемой. Именно вмешательство жрецов в государственные дела и подтолкнуло Доусона к действиям, из-за которых пошла прахом вся жизнь Клары.

Первый крик – то ли ярость, то ли удовольствие при виде старого приятеля, то ли понукание лошадей. Второй – несомненно, крик боли. Клара с Винсеном переглянулись и без слов свернули в боковую улочку, в конце которой, на небольшой площади перед домом, собрался народ. Винсен шел впереди, раздвигая толпу плечом мягко, но решительно. Клара, стараясь не отставать, держалась за его руку, чтобы толпа их не разделила. Наконец они протиснулись вперед – впрочем, лучше бы им было не спешить.

Юная тимзинка, по одежде явно из прислуги, сжавшись, сидела на обочине. Темные хитиновые чешуйки, покрывающие тело, казались темнее из-за крови. Стоящий за ее спиной стражник в золоченом доспехе, какие носит личная охрана лорда-регента, поднял дубинку и нанес очередной удар. Рядом, в бурых одеждах, стоял жрец. Клара оглядела зрителей: несколько бледных, искаженных ужасом лиц посреди возбужденной толпы, жадной до зрелищ.

– Мы ничем не поможем, миледи, – шепнул ей на ухо Винсен Коу. – Если вмешаться, только навредим. Лучше уйти.

«Ответь им! – беззвучно воззвала Клара к тимзинке. – Скажи им то, о чем спрашивают!»

Однако стражник не задавал вопросов, жрец глядел бесстрастно. Клара, стиснув зубы до боли, развернулась и стала пробираться сквозь толпу обратно, на этот раз без помощи Винсена. Оказавшись вновь на главной улице, она обнаружила, что ноги дрожат при каждом шаге.

– Мне только кажется? Или вправду такое случается все чаще? – спросила она.

– Это ведь тимзины, миледи. Считается, что нынешние беды – их вина.

– Неправда! – заявила Клара с безжалостным смешком. – Доусону действовать по указке чужеземцев – все равно что подчиняться собственным псам.

– Мм.

– В чем дело?

– Да так. Просто вы говорите о чужеземцах, миледи. Та девушка на площади, скорее всего, родилась антейской подданной. Тимзинов в Кемниполе немного, и они держатся неприметно, но тем не менее они антейцы.

– Вы же понимаете, о чем я.

– Да, миледи.

Клара осознавала, что лучше умолкнуть – пусть бы негодование, не расплескавшись, ушло внутрь и превратилось в решимость. По улицам, ставшим ей чужими, она собиралась пройти с высоко поднятой головой, не произнеся ни звука. Слова вырвались против ее воли – тихо, хрипло, безрадостно.

– Что с нами происходит? Симеона нет. Доусона нет. Что случилось с моей страной?

Винсен негромко хмыкнул – то ли вздох, то ли стон. Если собственные слова стали для Клары неожиданностью, то уж на ответ она и вовсе не надеялась.

– В Остерлингских Урочищах у нас был пес. – В голосе Винсена, мягком и тихом, сквозила горечь. – Отличный охотник с хорошим нюхом. На королевской охоте вел всю свору. Да только однажды олень вздел его на рога – подцепил под брюхо и поднял в воздух. Рану-то мы зашили, оставили пса отлежаться. Он выжил, но после этого сгрыз себя заживо. Начал с лап – попросту рвал их зубами до крови. Чего только мы не делали! Покрывали его повязками, мазали лапы горьким бальзамом. Держали в наморднике, чтобы лапы успели зажить. Он не потерял охотничьего нюха, был по-прежнему дружелюбным, но постоянно себя грыз. Видимо, потрясение так подействовало. Такое случается.

– Вы думаете, со страной сейчас происходит то же? Империя так изранена, что сгрызает себя до смерти?

– Да, – ответил молодой егерь так, будто на миг сделался старше.

– А я тогда кто? Зубы или горький бальзам?

– Скорее намордник, – усмехнулся Винсен немного лукаво. – Только пока неизвестно, как его нацепить.

Они прошли мимо небольшого особняка лорда Скестинина. Ставни закрыты на зиму, с крыши свисают длинные, как мечи, сосульки. Джорей и Сабига – младший сын Клары и его жена – на нынешнюю зиму присоединились к королевской охоте, лорд Скестинин остался при флоте на севере. Сколько бы ни скучала Клара по сыну, она не страдала наивностью и понимала, что Джорей сейчас гораздо полезнее заработать собственную репутацию, не омраченную

родительским именем: если Джорей утратит расположение Гедера Паллиако, никакое благородство крови его не спасет. Слишком уж переменялся Кемниполь.

Позади домов и особняков высился каменный Кингшпиль, темный на фоне зимнего неба; выходящая вокруг него стая голубей казалась невесомой и почти сливалась с падающим снегом. Клара остановилась, пропуская очередную карету. Щеки ныли от холода.

Наконец она добралась до палаток строителей; пироги успели остыть, но Клару это не очень волновало. Здешние развалины некогда были конюшнями и рыночными постройками – все сгорело в первую ночь неудавшегося мятежа. Обугленные деревянные столбы успели убрать, землю выровняли, теперь рабочие мостили камнем землю и ставили новые опоры. Тут и там выселись колонны белого кирпича, каждая толщиной с двух мужчин и высотой в три человеческих роста, с дощатыми помостами по бокам. Рядом сновали рабочие в шерстяных и кожаных одеждах, катили тачки с известью и брусками. Грубые слова, неграмотная речь – такая же, как в помещениях для прислуги в бывшем доме Клары. Нужное лицо она увидела в толпе почти сразу.

– Бенет! Вот ты где. Я тебя повсюду ищу!

– Л-леди Каллиам! – воскликнул парень.

Когда-то он был младшим садовником и пропальывал сорняки на ее клумбах. Теперь его руки покрылись мозолями, а лицо побледнело от недоедания и покрылось кирпичной пылью.

– Твоя тетюшка обмолвилась, что ты пошел сюда на заработки. Да только деньги наверняка заплатят только после того, как сделаешь работу. Я и решила принести тебе перекусить. Ты ведь не против?

Винсен выложил еду на стопку кирпичей, и глаза парня стали огромными, как у южнецов.

– Я... То есть... Спасибо, миледи. Вы так добры!

– Я просто стараюсь поддерживать тех, кто жил в моем доме, – улыбнулась Клара. – Вы ведь не виноваты, что все так обернулось. Несправедливо, если вам приходится из-за этого страдать. Ешь, не стесняйся, какие уж тут церемонии. И расскажи мне, что это за строительство.

Прогулка вышла короткой. Бенет больше думал о пироге и о том, как бы не попасться на глаза начальству, но Клара успела получить общее впечатление. Кирпичные стены, каменные полы. Узкие окна, широкие коридоры. Конюшни и рынок сгнули и уже не вернутся. То небольшое, что от них сохранилось, стало очередным слоем руин, лежащих в основании следующих построек и накапливающих эпоху за эпохой, как кольца на древесном стволе. Теперь здесь будут новые казармы. Так их называют. Клара этому слову не очень-то верила.

В тот вечер, грея ноги у железной печки, Клара ужинала вторым из пирогов, Винсен поглощал последний. Абата Коу – родственница Винсена и хозяйка постоянного двора – с мрачным лицом хлопотала по кухне, вокруг витал запах вареной капусты. Молодой человек из первокровных, снявший заднюю комнату в нижнем этаже, пришел с жалобой на окно, пропускающее влагу. Юная циннилка, тонкая и бледная, как едва пробившийся из-под земли росток, вернулась в гостиницу после дневных забот, взяла миску похлебки и ушла к себе ужинать. Клара дымила любимой глиняной трубкой и размышляла. Винсен, по-собачьи преданный, обычно не прерывал ее молчания и заговаривал лишь тогда, когда она была к этому расположена.

– Тот пес в Остерлингских Урочищах, – произнесла она вдруг. – Который себя грыз. Что с ним стало?

Винсен сдвинул решетку на печке и бросил внутрь сосновую ветку. Сполохи осветили его лицо. Печальный, красивый, молодой – вне всяких приличий.

– Всех собак не спасти, миледи.

– Да. Я так и думала. Те постройки, где работает Бенет, – это не казармы.

– На мой взгляд, больше похоже на псарни, – согласился Винсен, однако Клара лишь покачала головой.

– Нет, не псарни, – ответила она и чуть погодя добавила: – Как думаете, зачем Гедер Паллиако строит... тюрьмы?

Лорд-Регент Гедер Паллиако

Олень стоял на поляне, окруженный охотничьей сворой. Расширенные от страха глаза, пена на губах. За испуганным лаем почти не слышались крики егерей. Позади собак высились всадники в присыпанных снегом охотничьих доспехах и толстых шерстяных плащах, льнущих к благороднейшим мужам Антеи, как мох к камню. Все взгляды были устремлены на Гедера – он их чувствовал кожей.

Егерь-ясурут – бронзовочешуйчатый, с острыми черными зубами – протянул ему копьё. Гедер взял оружие, уставил острием вперед. Копьё оказалось тяжелее, чем он ожидал. «Это как на турнире, – напомнил он себе. – Тренировочный бой с оленем вместо мишени. Все получится».

Он посмотрел на Астера – взгляд принца придал ему смелости. Гедер заставил себя улыбнуться, затем склонился к луке седла и дал шпоры. Конь устремился вперед плавно, как речной поток, и Гедеру казалось, что не он приближается к оленю, а олень растет у него на глазах. Удар сотряс руку, чуть не вывихнулось плечо. Гедера приподняло над седлом, и на один ужасающий миг ему почудилось, что он неминуемо свалится на запятнанный кровью снег посреди своры собак. Олень взревел. Наконечник копья не пронзил его насквозь, лишь скользнул по боку – теперь с крупа свисал широкий лоскут кожи с мясом, лилась кровь. Олень склонил рога в сторону Гедера, готовясь напасть, и егерь подал знак. Десяток стрел взвились в воздух, впились в широкую оленью шею, в бок, в мякоть ноги.

Олень шатнулся вперед, оступился и упал на колени. Пар от дыхания походил на густой дым. Гедер, глядя сверху вниз в черные глаза, видел в них разум. И ненависть. Из оленьего горла хлынула кровь, и зверь опустил голову на снег. Раздались ликующие крики охотников, Гедер в ответ с улыбкой поднял руку. Что ж, убийство вышло не сказать что элегантным, но он хотя бы не покрыл себя позором.

– Чья заслуга? – спросил Гедер у приблизившихся охотников, готовых к разделке туши. – Даскеллин? Вы скакали впереди других. Кто попал в зверя первым?

Канл Даскеллин, барон Ватермарк, отвесил поклон в седле и указал влево.

– Полагаю, честь принадлежит графу Искиану, милорд регент. Я скакал сразу за вами, но он меня опередил.

Гедер поерзал в седле. Граф Искиан, сидя верхом, склонил голову. Немолодой, в синем с золотом, родня полудесятку придворных семей. Но владения его – в Астерилхолде, да и на последней войне он сражался за врага. Сейчас его верность Антее не подлежала сомнению: когда он предстал перед Гедеровым трибуналом, дар богини засвидетельствовал его верность. Однако на королевской охоте незачем объявлять единоличным победителем того, кто во время прошлогодней охоты числился врагом.

– Стало быть, почести достаются вам обоим, – объявил Гедер. – Поздравляю. А теперь вернемся в поместье, пока мы все не превратились в ледяные изваяния.

В прежние времена, когда Гедер еще не возглавлял королевскую охоту, он редко в ней участвовал. Наследник виконта Ривенхальма, он стал лордом-регентом так внезапно, что у него попросту не было времени освоиться в кругу тех, кто имеет власть и влияние. Даже сейчас, будучи самым могущественным лицом в империи, он чувствовал себя почти чужаком. Многие из сегодняшних охотников гарцевали вместе еще в юные годы, в возрасте Астера и даже младше, и при всей нынешней способности Гедера принудить их к верности он не очень-то мог требовать от них дружбы. К тому же многие аристократы несколько месяцев назад подняли мятеж против Гедера и успели кануть в небытие. Сэр Алан Клинн, заклятый враг Гедера, кормит червей на дне Разлома. Лорд Банниен, который, по слухам, был богаче королей, теперь в тюрьме, члены семьи кто где, сам он лишен всех титулов, а средства из его личной сокро-

вищницы пущены на восстановление Кемниполя. Доусон Каллиам, покровитель Гедера и отец его лучшего друга, в должности лорда-маршала командовал кампанией против Астерилхолда, затем стал главным мятежником. При ином исходе смуты лорд Каллиам сегодня загонял бы оленя, а Гедера уже казнили бы как предателя. Джорей Каллиам тоже сейчас на охоте, однако даже после отречения от отца ходит мрачным – видимо, из-за отцовских злодеяний. А тут еще побежденный Астерилхолд присоединили к империи, и теперь приходится водить дружбу с недавними врагами.

Смерть короля, назначение Гедера лордом-регентом, успешная война и ужасающая смута. Для имперской Антеи минувший год был тяжелым. И наступающая весна тоже не сулила облегчения.

Поместье Намена Флора лежало в долине на юго-востоке империи, поблизости от границы с Саракалом. Западнее находился крупный город Кавинполь с речными пристанями и складами. Летом богатые земли Флора орошались влагой двух рек, так что фруктов и зерна хватало бы на прокорм войска в течение годичной кампании. Крепость в центре поместья поднималась над равниной как скала; сооружение из гранита и базальта, привезенных посуху с южных гор, почти достигало высоты Кингшпиля в Кемниполе. Через середину крепости проходила драконья дорога – впрочем, сейчас вечный, неснашиваемый нефрит скрывался под снегом и льдом, так что до въезда в широкие ворота крепости можно было принять дорогу за обычную.

У Гедера от холода текло из носа, мочки ушей нестерпимо щипало. Он отдал лошадь конюху и поспешил в покои, отведенные ему лордом Флором, а точнее – прямым в ванную комнату, где из каменной драконьей пасти горячая вода, пахнувшая сандаловым деревом, была в глубокую ванну из кованой меди. Комната, к его удовольствию, была небольшой. По ненавидимой Гедером традиции при омовении лорда-регента обязаны были присутствовать слуги и личная стража – он немалыми усилиями добился права мыться без слуг, но пока еще не нашел в себе силы отказаться от присутствия стражников. После заговора Доусона Каллиама, покушавшегося на его жизнь, вид стражников успокаивал. Однако здесь, в личных покоях, ванную стерегли снаружи, и наготу Гедера не видели даже те, кому надлежало охранять его жизнь.

Лежа в горячей воде, от которой мало-помалу расслабились натруженные до боли спина и бедра, Гедер смотрел на подрагивающие огоньки свечей. Он не стал противиться порыву воображения, которое нарисовало ему сидящую напротив девушку-банкира циннийских кровей – обнаженную, как и он, с сияющей в полумраке белоснежной кожей. Тело откликнулось на этот образ с такой готовностью, что пришлось спешно переключать внимание на что-нибудь другое.

Со стороны королевская охота всегда казалась Гедеру не более чем способом поддерживать придворные интриги. Король Симеон разезжал по стране, осчастливливал своим присутствием друзей и союзников, убивал зверя-другого и наслаждался многочисленными пирами – все как на нелюбимых Гедером празднествах, только затянутых на недели и заполненных боевыми состязаниями, полупьяными поэтическими турнирами и сумбурными тостами. Лишь став лордом-регентом и получив власть над империей, Гедер увидел, что королевская охота – еще и удобное средство общения.

Не все придворные бывали в Кемниполе. Не все детали пейзажа можно отметить на карте. Каким бы случайным ни казалось перемещение королевской охоты по землям и поместьям империи, маршрут этот мог бы сравниться постоянством даже с драконьими дорогами.

Гедер, выбравшись из ванны, вытерся и надел белье. Лишь после этого он позвал слуг для последующего облачения в подходящие одежды. Он с радостью провел бы остаток дня в тепле и никем не нарушаемой тишине, однако его ждал пир. После охоты в лесах, лежащих вокруг Флора, настала пора приступить к делу, ради которого Гедер сюда и приехал.

Астера и Басрахипа он застал в гостиной с алыми бархатными стенами, где от светильников шел густой запах китового жира. Голос жреца рокотал, как дальний гром; зрелище юного

принца в шелках и золототканой шерсти, взирающего снизу вверх на массивного жреца в бурых одеждах, напомидало аллегорию отрочества у ног мудрости. Гедер остановился в дверях.

– Видя, что он уже не владеет миром, Морад при смерти впал в болезненную гордыню, свойственную его роду. Он прибег к ужасающему оружию. Три года весь мир пылал огнем. Леса выгорели до пепла. Города превратились в прах. Тринадцать рас человечества спасались где только могли, пряча животных в загонах, а рыбу в глиняных горшках, и ждали освобождения от напасти. Ждали времени, когда можно будет вновь населить мир.

– Три года? – переспросил Астер со священным ужасом.

– Да, юный принц. Три года везде лежала пустыня. Свобода человечества родилась среди пепла и голода. Одни лишь тимзины, любимцы драконов, жили прежней жизнью, принося детей других рас в жертву памяти драконьей империи. Остальные вышли из испытания преобразенными, возродили леса, заново отстроили города. И без водительства богини все утратили путь – как и предвидела богиня. В горном храме посреди священных для нее земель Синир она ждала нашей готовности к тому дню, когда к нам явится великий человек и мы поймем, что пришло время вернуться в мир.

– То был Гедер, да? – спросил Астер.

– Да, – подтвердил Басрахип с широкой благостной улыбкой.

– Кстати обо мне, – вставил Гедер, переступая порог.

Астер обернулся. С начала охоты в нем прибавилось сил и бодрости. Печаль временами накатывала на него по-прежнему, но приступы становились реже. Гедер, хоть и беспокоился о принце, в такие минуты напоминал себе, что Астер лишился отца меньше года назад и что даже самый стойкий ребенок будет оплакивать родителя гораздо дольше.

– Принц Гедер! – приветствовал его Басрахип, вставая.

– Лорд-регент, – напомнил ему Гедер. – Принц у нас Астер. Я лорд-регент.

– Конечно, – как всегда, согласился Басрахип, вечно игнорирующий поправку.

– Что-нибудь случилось? – спросил Астер.

– Нет, все хорошо, – ответил Гедер. – Просто мне нужно поговорить с Басрахипом. Пока пир не начался.

– Разумеется, принц Гедер, – поклонился жрец.

При виде Гедера, закатившего глаза, Астер хихикнул.

Гедер с Басрахипом зашагали по длинным внутренним переходам. Здесь, в самом сердце крепости, потолки поднимались до уровня четырех человеческих ростов; хитроумная система отверстий впускала внутрь закатные лучи, не выпуская наружу тепла от жаровен. По цвету лучей Гедер понял, что зимняя ночь вот-вот настанет. Впереди и позади шли слуги и охрана, отгораживая их с Басрахипом от посторонних и давая возможность поговорить с глазу на глаз.

– Такого ведь не может быть? – спросил Гедер.

Басрахип вопросительно поднял брови.

– Три года огня, – пояснил Гедер. – Столь долгий пожар покрыл бы весь мир слоем пепла. А ведь есть города, которые стоят на том же месте, где стояли еще до падения драконов.

– Если так надо, пусть так и будет, – изрек Басрахип. – Однако годы пожара – это правда.

– Да ведь в Нордкосте есть леса, где деревья более древние. Может, их и немного, но я читал трактат о том, как определить возраст дерева по количеству колец, и там написано, что самые высокие секвойи в лесах Нордкоста...

Басрахип покачал огромной по-бычьей головой:

– Ты слишком доверяешь пустым словам. Все нынешние леса насажены после пожара. Все нынешние животные выжили потому, что люди уберегли их от пламени. Если ты считаешь, что мир должен стоять на пепле, то поищи пепел – и найдешь. А если не найдешь, то выясни, что с ним стало. Пожар – это правда.

– Просто в исторических источниках, что я читал, – даже тех, что написаны через поколение-другое после падения драконов, – такую катастрофу никто не упоминает. Хотя должны были бы. То есть я имею в виду, что полное уничтожение всего мира – такая штука, про которую уж точно не забудешь, когда пишешь историю.

Басрахип небрежно махнул массивной ладонью:

– Слова на бумаге даже не лживы. Они пусты. Ты их говоришь собственным голосом, и в миг произнесения ты знаешь только то, что они написаны на данной странице. Они не несут никакого значения. С древних времен, еще до драконов, мои предшественники-жрецы были хранителями правды. Всей правды. Ты ведь знаешь, что никто не способен солгать богине.

– Вроде знаю, – подтвердил Гедер, слегка сбитый с толку. – Конечно знаю. То есть я хотел сказать, что ты ведь это демонстрировал раз за разом.

– И ты знаешь, что правду невозможно долго отрицать.

– И это я тоже видел, – согласился Гедер.

– Поколение за поколением жрецы богини передавали правду о мире голосами, которых нельзя слушаться, ученикам, которые распознали бы малейшую фальшь. Что значат рядом с этим твои книги и свитки? То, что я говорю, веками передавали живые голоса. А все твои библиотеки созданы руками, не голосом. Ответь мне: можешь ли ты сказать, что все книги правдивы?

– Ну... нет. Конечно нет. Некоторые трактаты, что я читал, определенно...

– А можешь ли ты сказать, что точно знаешь, какие правдивы, а какие нет?

– Нет, но это ведь не значит, что они бесполезны. То есть большинство-то можно считать...

Басрахип остановился, взял Гедера за плечи и пристально посмотрел ему в глаза.

– Ответь мне, принц Гедер. Если бы я дал тебе кушанье и ты знал бы, что часть его отравлена, но не знал бы какая, – счел бы ты разумным его есть?

– Нет, конечно.

– Вот и с книгами так же, – заключил Басрахип. – Вслушайся в мой голос, друг мой. Богиня с тобой, она не даст тебе сбиться с пути.

Намен Флор походил на тростинку: от стоп до крупного лица, обрамленного короткими волосами пшеничного цвета, тянулось тело, длинное и тонкое. При появлении Гедера в озаренной свечами гостиной он встал. Голос не выдавал напряжения.

– Мне сказали, что вы хотите со мной переговорить, милорд регент.

– Да. Пожалуйста, садитесь. Формальности ни к чему. Вы ведь знакомы с мэтром Басрахипом?

Лорд Флор склонил голову точным движением – ни кивок, ни поклон. Дипломатия жестов. Гедер опустился на диван, обитый зеленым шелком, и оперся локтями о колени. Басрахип, устроившись у дальней стены, с отсутствующим видом улыбался и смотрел на пляшущий в жаровне огонь. Флор перевел взгляд с одного на другого, затем сел напротив Гедера и больше не обращал внимания на жреца. Гедер взглянул на Басрахипа, тот ответил кивком: готов.

– Верны ли вы мне, лорд Флор?

Человек-тростинка, по-видимому, ожидал вопроса и ответил не медля:

– Конечно, лорд Паллиако.

Басрахип кивнул. Правда. Однако Гедер предупреждающе поднял палец:

– Я имею в виду не абстрактную верность трону Антеи. Верны ли вы – мне?

Флор нахмурился:

– Простите, милорд, я не вижу разницы. Вы лорд-регент. Верность Антее – это верность вам.

Опять кивок. Что ж, не безоглядная личная преданность, но тоже неплохо.

– Мне придется положиться на ваше благоразумие, лорд Флор. Как у вас с весенними посевами?

– Пока не начинали. Насколько я понимаю, почву для первого салата латука будут готовить через месяц.

– Мне бы хотелось, чтобы вы вместо этого сеяли яровую пшеницу. А наименее плодородные земли, сколько можно высвободить, я прошу на нынешний год отдать в мое распоряжение.

Флор мигнул, затем пожал плечами:

– Разумеется, милорд. Могу ли я спросить о причинах?

Гедер откинулся на спинку дивана. По правде говоря, такими мгновениями он наслаждался. Знать нечто, чего не знает собеседник, – это тоже власть. Может, самая приятная ее разновидность.

– Антея сейчас переживает тревожные времена, – объяснил Гедер. – Соседи думают, что военные тяготы и мятежи нас обессилили. Что мы уязвимы. Пока мир считает нас слабыми, мы в опасности.

– Да, я слышал о таких опасениях, – откликнулся Флор. – Признаться, я озабочен тем, что в некоторой степени они могут оказаться оправданными. Силы, требующиеся на удержание Астерилхолда от бунта...

– Астерилхолд не забунтует, – вставил Басрахип. – В обоих крупных городах есть храмы богини. Астерилхолд будет верен принцу Гедеру.

– Вы ведь слышали, что Доусон Каллиам находился под влиянием тимзинов? – спросил Гедер. – Что перед заговором он встречался с десятком тимзинских представителей?

– До меня доходили слухи.

– Это уже не новость, – повел рукой Гедер. – Власть в двух странах – Саракале и Эласе – контролируют тимзины. Враги империи ожидают, что мы обратим свой взгляд на север и запад и что наша граница с Саракалом останется неохраняемой. Они ошибаются. Ваши земли мне нужны для того, чтобы устроить там временный лагерь для войска. А пшеница – это хлеб для солдат и корм для коней.

Флор побледнел от одной мысли о том, сколько денег и усилий потребуется на содержание гарнизона, однако, к его чести, никаких возражений не высказал.

– Долго ли пробудет здесь армия?

– Недолго. Недели две или три. Как решит верховный маршал. А затем войско двинется дальше.

– Чтобы охранять границу?

– Чтобы ее пересечь, – ответил Гедер.

Китрин Бель-Саркур, доверенное лицо Медеанского банка в Порте-Оливе

Китрин стояла на носу корабля. Впереди, освещенная ранними утренними лучами, простиралась морская гладь – белая, розовая, голубая, словно покрытая перламутром. Воздух полнился запахами соленой воды и смолы, скрипом дерева и канатов. Черный шерстяной плащ туго окутывает фигуру, капюшон прикрывает соломенного цвета волосы, подбородок вздернут, мягкий взгляд устремлен вперед. Капитану, матросам и даже ее собственным стражникам она наверняка казалась властной персоной, погруженной в раздумья. В действительности же девушка просто выпила вчера больше нужного, и теперь в голове будто застряла целая стая воробьев.

На горизонте лежала узкая полоса земли. С тех самых пор, как Китрин отбыла из Биранкура, полоса оставалась неизменной – небольшое темное утолщение на воде, слева по борту. После входа во Внутреннее море можно было бы ожидать, что берег потеряется из виду, судно направится прочь от пролива между Вольноградьем и Лионеей и через морское глубоководье устремится напрямик к Элассе и Суддапалу. Однако не все здесь решала скорость – даже относительно спокойные воды могли грозить зимним штормом, поэтому не стоило отрываться от берега, где бухты и гавани помогли бы переждать непогоду. В пути не обошлось без происшествий: то матрос, упав с мачты, серьезно повредил ногу и с тех пор лежал в лихорадке, то за судном два дня гнались пираты под черным парусом и лишь потом отстали, то Жук за время морской болезни отощал так, что темные хитиновые чешуйки на руках погнулись и стали ломкими. В один из дней, ничем не отличающийся от прочих, судно миновало Ньюпорт и руины Ванайев, где осталось занесенное пеплом детство Китрин. Чем ближе подходили к пятиградю Суддапала, тем сильнее сжималось все внутри от беспокойства, тем тяжелее становилось заснуть. Тревога росла день за днем, час за часом.

И вдруг все переменялось.

Возгласы моряков стали другими. Палуба заходила под ногами. Темная линия на горизонте медленно, почти неуловимо уплотнилась, обрела контуры – холмы, долины, позже четкие силуэты домов. А затем, словно протягивая к Китрин тысячи пальцев, возникли перед глазами причалы с целым лесом мачт. Перед ней лежал Суддапал – объединение пяти городов, столица Элассы. Место, где располагался самый дальний филиал Медеанского банка.

– Доставим вас на берег к полудню, магистра, – сообщил Китрин седобородый капитан из первокровных. – За вами последняя часть платежа.

– Вручу по прибытии в порт, капитан, – улыбнулась она.

– Можно и сейчас. Время позволяет.

– Политика банка, – веско заявила Китрин, словно термин служил объяснением и оправданием всему на свете.

Она вновь повернулась к приближающемуся городу и с сожалением подумала, что не стоило так уж увлекаться вином накануне.

Договор с Комме Медеаном обязывал Китрин провести год в ученичестве, и перед ее отбытием из Карса было решено, что лучше всего подойдет Суддапал. Тогда-то и началось долгое зимнее путешествие к югу. Письма Комме Медеана должны были попасть к магистре Исадау еще несколько недель назад, однако Китрин понятия не имела, как глава филиала посмотрит на ее визит. На пристани ее могут встретить чем угодно – может, даже отказом.

За спиной Китрин суетились моряки, корабль поворачивался носом к берегу. С оглушительным шумом ударил в паруса ветер. Лоцманская лодка – небольшая, всего лишь с тремя тимзинами-гребцами, налегающими на алые весла, – устремилась к судну. В Ванаях тимзины

встречались не реже первокровных, и от вида темных тел с сияющими чешуйками Китрин слегка успокоилась.

– Магистра! – раздался за спиной голос Ярдема Хейна. – Сундук уложен.

Китрин, обернувшись, подняла голову к широкому, с собачьими чертами, лицу тралгута – Ярдем с виду оставался бесстрастным, лишь подвижные уши клонились вперед, в сторону берега.

– А последняя часть платежа? – спросила она.

Ярдем похлопал по свисающему с пояса кожаному кошелью – звон монет лишь угадывался за корабельным шумом.

– Я заплачу. Об остальном позаботятся Энен и Жук.

Китрин, кивнув, перевела взгляд на гребцов лоцманской лодки, со смехом указывающих в сторону корабля. Парусиновые штаны и грубые рубахи – не самая подходящая одежда для зимнего моря, однако никакого видимого неудобства это не создавало: моряки отпускали энергичные шуточки и дружески задирали зрителей. Китрин им позавидовала. Денег у нее больше, чем они увидят за десяток лет, распоряжается она суммами в сотню раз крупнее, но ее непринужденные движения и внешняя невозмутимость – всего лишь актерство, тренированный навык.

Покидать Порте-Оливу оказалось труднее, чем Китрин ожидала. Белые здания, и зимние туманы, и уличные собаки, и небольшая кофейня с арендованной у владельца задней комнатой – кабинетом Китрин, и широкая площадь между храмом и дворцом правителя, где жертвы местного правосудия отбывали наказание... Все теперь позади. Даже Пыкк Устерхолл – формально нотариус филиала Медеанского банка в Порте-Оливе, а на деле глава филиала, пусть и без официального звания, – вспоминалась с некоторой теплотой, а ведь Китрин ее люто ненавидела. Единственными знакомцами сейчас оставались стражники, которых Китрин взяла с собой. Уже немолодая Энен, выбранная за бескомпромиссность и твердый нрав. Жук – за то, что был единственным тимзином в банковской страже: иметь рядом человека, которого будут принимать за местного, может оказаться нелишним. И Ярдем Хейн – потому что он Ярдем и еще потому, что за время, проведенное Китрин в Кемниполе, капитан Вестер успел уйти из банка. Исчез бесследно, даже не попрощавшись. Не объяснил причину, не оставил для Китрин даже коротенькой записки. Она внушала себе тогда, что его поступок ее вовсе не уязвил, но получилось не очень убедительно.

Однако и без Маркуса Порте-Олива оставалась первым домом, который Китрин сама для себя создала. Там она основала филиал Медеанского банка – даже без всяких переговоров с главной дирекцией. Она жила в комнатах, ставших уютными и привычными, прислуга ближайшей харчевни изучила ее распорядок, королевские гвардейцы на улице отдавали ей честь. Порте-Олива знала Китрин как важное лицо, и сама она понимала свое место. В Суддапале же Китрин могли принять за что угодно. Даже за ничто.

В желудке дернулось, и она пожалела, что при ней нет бурдюка с вином. Или с чем-нибудь покрепче.

Пристани Суддапала тянулись далеко вглубь Внутреннего моря. На скользких черных досках причала виднелись следы пенных брызг. В разгар навигации здесь наверняка бывает так желюдно, как в воротах Порте-Оливы, где толпа кишит попрошайками, и Китрин только порадовалась, что сейчас ее никто не оттеснит к самой кромке, где зеленое море бьет в сваи. Ей казалось, что от волн вздымаются доски под ногами, что весь мир ходит ходуном, – однако она знала, что это просто обман чувств, обычный при сходе на берег. Если бы причал и вправду так колыхало, он не продержался бы и дня.

У красного с золотом паланкина, рядом с которым замерли два коленопреклоненных йеммута с выпирающими бивнями, стояла тимзинка в одеждах ярко-зеленого цвета – Китрин в таких выглядела бы бледной и больной. Вокруг шеи дамы лежало, как ворот, золотое ожерелье.

Китрин изобразила улыбку, припомнила указания мастера Кита о походке, которая прибавит ей возраста, и зашагала к даме. Тимзинка улыбнулась, прозрачные внутренние веки закрылись и открылись – так что глаза и моргнули, и не моргнули.

– Магистра бель-Саркур? – спросила дама.

– Магистра Исадау, полагаю?

– Ой, что вы! Исадау моя сестра. У нее там дел невпроворот. Я Микани рол-Энненамет, но зовите меня, пожалуйста, Кани.

За спиной Ярдем отдал четкий приказ, Энен откликнулась – уважительно, но без боязни. Китрин, промахнувшись раз, теперь пыталась на ходу перестроить свои представления о магистре Исадау и ее банке.

– Я не знала, что у магистры есть семья, – произнесла она, и Кани залилась искристым смехом.

– Нас чуть ли не целая тысяча – по крайней мере, так порой кажется. Однако при банке мы живем не все. Только я, Исадау и наш общий брат Йерин. И дети, конечно.

– У магистры Исадау есть дети? – удивилась Китрин, пытаясь представить себе магистра Иманиэля с женой и отпрысками. Проще было вообразить домашнего кота, жонглирующего кинжалами.

– Не родные, – ответила Кани. – У меня дочери, Йерин воспитывает троих сыновей – впрочем, детьми больше занимаются домочадцы. Все с нетерпением ждут встречи с вами. Правда, должна предупредить: старший сын Йерина, двенадцатилетний Салан, в прошлом году видел театральное представление о королеве-циннийке, которая спасает Герец от нашествия демонов.

– «Повесть о сжигающем до пепла».

– Да, что-то вроде того. Но не важно. Королеву играла очень красивая актриса, и Салан, видимо, поэтому решил в вас влюбиться. Если его воздыхания вас утомят – только скажите, мы его приструним. Вы ведь знаете, каковы мальчишки в эти годы: слепое обожание, безнадежная страсть и все такое.

«Понятия не имею, каковы они, – пронеслось в голове Китрин. – Каковы же?»

– Мы готовы, магистра, – доложил Ярдем, дернув ухом со звякнувшими серьгами, на которые Кани немедленно устремила взгляд.

– Вы священнослужитель? – спросила она.

– Уже нет, – ответил Ярдем.

– А! Прошу прощения. Я не хотела быть назойливой.

– Ничего.

В глазах Кани, по-прежнему тепло улыбающейся, что-то изменилось – будто она взглянула на Китрин по-новому.

– Вы интересная личность, магистра бель-Саркур. Будет приятно иметь вас в семье.

Обращение по фамилии заставило Китрин осознать неловкость.

– Раз вы просили звать вас Кани, пожалуйста, зовите меня Китрин.

Кани отвесила игривый поклон, взяла Китрин под руку и подвела к паланкину. Двое йем-мутов, обменявшись знаками, приготовились поднять Китрин и ее новую спутницу на сиденья.

– Китрин, – произнесла Кани. – Красивое имя. Так звали вашу матушку?

Пятиградие Суддапала лежало полосой вдоль северного побережья Внутреннего моря. С восточной стороны поднимались черные скалы; среди волн торчали покрытые дерном островки в сотню локтей высотой, с миниатюрными домиками, – пасущиеся там овцы и не видели материковой травы. К западу лежал порт с тянущимися в море причалами, проглядывали вре-заннные в холм улицы и площади. Никаких каналов, знакомых по Ванайям. Многие улицы вымощены камнем, на остальных поверх земли выросла жесткая корка, не разбиваемая ни

копытами, ни тележными колесами. Певцов и кукольников, в Порте-Оливе теснившихся на каждом углу, здесь не было. Повсюду играли тимзинские дети; некоторые то и дело пускались бежать рядом с паланкином, распевая куплеты с непонятными для Китрин словами и с такими сложными мелодиями, каких она не слышала даже в самых замысловатых храмовых песнопениях. Временами вблизи мелькали люди других рас – йеммуты, тралгуты, первокровные, – однако по большей части Суддапал был тимзинским городом, и Китрин обнаружила, что ее бледная кожа, светлые волосы и хрупкая фигура будут здесь выделяться так же, как выделяется ромашка среди роз.

Магистр Иманиэль всегда ей говорил, что публичное лицо банка должно быть скромным. В роскошных дворцах пусть обитают короли, принцы и священство. Небольшое опрятное здание без излишеств – знак властям, что банк не несет угрозы, и чем меньше это соответствует истине, тем тщательнее нужно маскироваться. В Порте-Оливе банковский филиал располагался в помещении бывшего игорного дома, а кабинет Китрин – в кофейне маэстро Азанпура. Когда стражников стало много и им потребовалась казарма, Китрин не стала переносить филиал в более просторное здание, а разместила людей подальше от банка. Чем больше власти она приобретала в городе, тем больше старалась выглядеть неприметно – особенно перед людьми, знающими ей цену.

В Суддапале же филиал Медеанского банка располагался в широко раскинувшейся усадьбе – не менее величественной и приятной для глаза, чем герцогское владение. Чертоги из полированного гранита со статуями богов, святых и ангелов в нишах на каждом углу. Обширное пастбище рядом с конюшнями, вмещающими больше десятка лошадей. На рабе-привратнике, вышедшем встретить паланкин, узорчатая серебряная цепь, даже не прикрепленная к двери. Колонны резного дерева, аромат соснового дыма. Если это незаметный и скромный банк, то Суддапал – самый богатый город в мире. А ведь это не так.

Более всего Китрин поразила открытость пространства – окна здесь не закрывали ни стеклом, ни пергаментом, да и само здание, судя по виду, продувалось всеми ветрами. Такого обычая Китрин нигде не видела и сочла его не очень разумным.

Отведенная ей комната обогревалась стоящей в углу железной печкой, в которой уже развели огонь. Пол устлала свежие стебли тростника. Кровать – квадратная, с мягким тюфяком, пуховым одеялом и подушкой, набитой гречневой шелухой. Рядом на железной подставке – украшенный резьбой каменный умывальник, под ним эмалированная ночная посуда. Резной письменный стол из темного, почти черного мореного дуба. Из-за окна, выходящего во двор, долетали голоса мужчины и женщины. В галерее сразу за дверью, где устроили нишу для стражников, сейчас сидела Энен – при такой густой меховой шкуре коридор, наверное, не кажется ей очень холодным.

Едва Китрин успела переодеться и сполоснуть лицо, как в дверь тихо постучали.

– Пришла магистр Исадау, – донесся голос Энен.

Китрин расправила плечи, как могла придавала себе более взрослый вид и отворила дверь.

Магистр Исадау, доверенное лицо Медеанского банка в Суддапале, оказалась изящной женщиной с пробивающейся на висках сединой и начавшими светлеть чешуйками на лице и шее. Одета в простое полотняное платье, вышитое цветами и лозами, она держала в руках небольшую зеленую плоску с чем-то напоминающим вырванную ветром сосну в миниатюре.

– Магистр Китрин! – произнесла женщина, протягивая деревце. – Добро пожаловать в мой дом.

Плоска оказалась тяжелее, чем на вид, и при попытке аккуратно поставить ее на угол стола довольно шумно стукнулась о поверхность. Крохотные ветки затрепетали, будто тронутые невидимым ветром.

– Благодарю вас. Пожалуйста, входите, садитесь.

Исадау улыбнулась и присела на угол кровати, предоставляя Китрин занять кресло у стола. В глазах мелькнул ненавязчивый интерес.

– Рада наконец встретиться. Я о вас слышана.

– Спасибо, – ответила Китрин, пытаясь сообразить, как о ней мог отозваться глава Медеанского банка и нельзя ли это выяснить. – Не знаю, много ли вам рассказывал Комме Медеан.

– Не только Комме. Мани вас тоже иногда упоминал.

Китрин не сразу поняла, что Исадау говорит о магистре Иманиэле. Раньше ей не приходило в голову, что главы двух филиалов Медеанского банка, расположенных так близко друг от друга, не могли не встречаться. Весть о том, что магистр Иманиэль кому-то рассказывал о воспитывавшейся при филиале девочке-сироте, тоже оказалась неожиданной, и Китрин, привыкшая считать свое прошлое принадлежащим ей одной, внутренне возмутилась.

– Вот как, – произнесла она. – Что ж, надеюсь, обо мне говорили только хорошее.

– По большей части да. Комме написал, что увидел в вас частицу Мани. Я тоже ее вижу. У вас даже речь похожа.

– Я при нем выросла.

– Нелегкий опыт. Комме еще сказал, что таких способностей к банковскому делу, как у вас, он не видел на протяжении целого поколения. Природный талант не вполне ограничен, но ничего дурного. «Смелость без опрометчивости, опрометчивость без глупости» – так он вас описал. Когда он в хорошем настроении, у него случаются поэтичные формулировки. – Исадау наморщила лоб. – Я вынуждена спросить. Вы и вправду хвастались перед королем Нордкаста, что спали с лордом-регентом Антеи?

Китрин почувствовала, что краснеет.

– Я бы не называла это хвастовством. Меня все равно не слушали, – пояснила она. – С Гедером Паллиако я провела взаперти не одну неделю. Остальные наши посланцы добились у него лишь аудиенции-другой и обмена письмами. Мне хотелось втолковать им, что я знаю лорда-регента лучше.

– И физическая близость с ним – тому доказательство?

– Ну, я так выразилась для красного словца.

Магистра Исадау рассмеялась тепло и радостно, и узел в желудке Китрин слегка ослаб.

– Что ж, робкой вас не назовешь.

– Не знаю. Просто я разозлилась тогда, – призналась Китрин и через миг спросила: – А что еще Комме про меня говорил?

– Что сердце ваше еще не умерло, – произнесла Исадау все тем же тоном, – но опасность такая есть.

Теперь рассмеялась Китрин, пусть и слегка нервно. Во дворе кто-то крикнул – то ли женщина, то ли ребенок. Магистра Исадау повела рукой:

– Можно спросить?

– Конечно, – ответила Китрин.

Исадау кивнула на деревце в плошке:

– Почему я вам это принесла?

Китрин, прикусив губу, задумалась. На миг она вновь почувствовала себя девочкой, которая сидит за ужином вместе с магистром Иманиэлем, Кэм и Безелем и отвечает на вопросы, которые звучат один за другим. Решение пришло легко, как глоток воздуха.

– Подарки – средство вызвать признательность. Почти как ощущение долга, только неизмеряемого. А поскольку его не измерить, то невозможно и отплатить. Если бы вы подарили мне деньги, которых стоит эта вещь, я могла бы их вернуть и расквитаться. Подарком же вы создаете ощущение задолженности без всяких шансов вернуть долг, поэтому я легче соглашусь, например, на такие услуги или уступки, на которые никогда бы не согласилась при четко известной цене.

Китрин развела руки, будто подытоживая сказанное. Магистра Исадау кивнула, однако улыбка ее отдавала печалью.

– Мани отлично вас обучил. Прямо-таки слышу его голос. И все же... Есть разные способы делать наше дело. Быть теми, кто мы есть.

Китрин пожала плечами с легким разочарованием от того, что не заслужила похвалу.

– Что ж, – выдохнула она. – А вы сами как ответили бы?

– Я хотела расположить вас к себе. И опасалась, что не смогу.

От такого ответа, откровенно говорящего об уязвимости старшей собеседницы, у Китрин перехватило горло. Она не знала, что за чувство в ней поднялось – жалость, удивление, печаль, страх, – знала лишь, что не рада и что ответить ей нечем. Магистра Исадау кивнула, скорее сама себе, и встала.

– Ужинаем мы поздно, но кухни всегда в вашем распоряжении. За столом собирается вся семья, никаких формальностей. Пока можете отдохнуть или пройтись по усадьбе. Если захотите выйти в город, я дам провожатую. Утром покажу вам кабинет и банковские книги.

Китрин попыталась заговорить, кашлянула и попробовала снова:

– Спасибо, магистра.

– Пожалуйста. Если честно, я очень рада вашему приезду.

После ухода Исадау Китрин еще долго сидела за столом, глядя на деревце так, будто оно может таить опасность.

Капитан Маркус Вестер

Маркус сидел, прислонясь спиной к гладкой блестящей коре дерева, и глядел вниз на долину. Последние дни он провел в горном тропическом лесу, где видимый мир ограничивался всего лишь полутора-двумя десятками шагов, и почти разучился смотреть вдаль. Густо торчащие деревья, жесткий кустарник и теплое марево тумана казались повязкой на глазах. Под конец капитану даже представлялось, будто каждый дневной переход заканчивается все на той же прогалине у того же ручья, где приходится засыпать под щебет все тех же разноцветных птиц. Когда пришла пора ступить на вершину хребта, перед глазами словно раскрылся целый мир. Горы, крутые и кинжально острые, черными клинками вонзались в белое небо; за ближними рядами маячили дальние, постепенно серея и сливаясь с горизонтом. Высокое солнце, висящее по левую руку от Маркуса, казалось не более чем светлеющим пятном марева.

Сзади послышалась твердая поступь спутника – знакомая, как собственное дыхание.

– А где же... – Капитан поперхнулся и начал снова: – А где же зима? Я ведь помню, что должна быть зима.

– По-видимому, вам не помешает вспомнить, что мы забрались слишком далеко на юг, – ответил Кит рол-Кешмет. – И что времена года здесь не такие, как к северу от Внутреннего моря.

– То есть зимы не будет.

– Боюсь, здесь лишь два сезона – влажный и сухой.

– Жаль, что сейчас не сухой.

– Сейчас именно он.

– Вот как. – Маркус поднялся на ноги. – Все куда безрадостнее, чем я надеялся.

Мастер Кит расхохотался.

– Это не шутка, – заметил Маркус.

– Я знаю. Деревня должна оказаться прямо впереди.

Почти всю жизнь Маркус считал Лионею рядовым королевством – большим и раздробленным, но в основе похожим на прочие. Обширное Внутреннее море, отделяющее этот край от северных стран, позволяло считать военную угрозу от Лионеи менее насущной, чем битвы и интриги более близких государств. Отряды наемников, бывало, зимовали в лионейских портах или подряжались охранять торговые караваны, идущие по суше к городам южнецов за серебром и пряностями. Обнаружить здесь огромные непроходимые пространства, где образ жизни разительно отличался от всего виденного, Маркус никак не ожидал.

Препятствием для путников тут служила сама земля: острые скалистые вершины, окруженные болотами; кишачие змеями леса; обширные топи с мощеными дорогами, давно разбитыми в мелкое крошево. Возделываемые участки встречались редко и обязательно охранялись, болезни были обыденностью и почти не поддавались лечению. Двух первокровных путников, путешествующих без сопровождения, местные деревни, поселки и города встречали с недоверием. Когда Кит сказал, что мулы будут только замедлять путь и незачем на них тратить, капитан настоял на своем. Последнего продали в подвернувшейся фактории пять дней назад, и Маркус пока не собирался об этом жалеть. Он вдруг обнаружил, что тоскует по равнинам и взгорьям Биранкура и Вольноградья, Пу'та и Элассы. Даже Нордкост и имперская Антея, при всех их изъянах, могли похвастать драконьими дорогами из нефрита более вечного, чем горы. Да и границы там по большей части были стабильными, а политические козни – понятными и привычными.

Среди деревьев вдруг показались южнецы. Из-за огромных черных глаз и бледной кожи они выглядели юными, на деле же Маркус знал: это взрослые мужчины, которых легко недооценить. Воины с натянутыми луками и обнаженными мечами. Кроме того, убивать умеют

все тринадцать человеческих рас, даже утопленцы, поэтому Маркус пошире развел раскрытые ладони, показывая, что меч остается в ножнах.

– Мы не причиним вам зла, – произнес Кит. – Мы не несем угрозы вашему народу.

Маркус уже немало постранствовал с мастером Китом, своими глазами видел живущих в его крови пауков и многократно был свидетелем умений, которые дают пауки хозяину, и все равно не мог уловить в голосе старого актера ничего особенного. Все те же теплые тона, четкая дикция, юмор, грусть. Только вместо «я полагаю, мы не причиним вам зла» или «надеюсь, вы нас простите за вмешательство» – то есть вместо перехода от фактов к собственному взгляду на них – мастер Кит сейчас прибегал к прямому утверждению. Пауки в крови не позволяли слушателю усомниться в сказанном.

Южнецы моргнули. Оружие не опустили, но слегка ослабили хватку.

– Кто такие вы? – спросил один из лучников.

– Путешественники, – ответил Кит. – Искатели. Меня зовут Китап рол-Кешмет, а это Маркус Вестер. Мы пришли с далекого севера поговорить с вашей матерью, если она позволит.

– Оружие к матери нельзя. Нет.

– Можете взять наши мечи, – предложил Кит.

Южнецы, повернувшись друг к другу, заговорили на языке, которого Маркус никогда не слышал. Зачесался нос, но пришлось держать руки поднятыми – чтобы воины не подумали, будто он тянется за оружием. Спокойное улыбающееся лицо мастера Кита, обрамленное жесткими волосами и лохматой бородой, придавало актеру вид доброго дядюшки, после долгих странствий вернувшегося домой с полными карманами конфет и с запасом рассказов для детей.

– Если мы когда-нибудь набредем на тех, кто не понимает ваших слов, – проговорил капитан, – что тогда?

– Тогда, я думаю, будет труднее.

Южнецы прекратили гам, и главный лучник, повернувшись к путешественникам, моргнул:

– Бросьте мечи, вы. Матери вас ведем.

Капитан медленно расстегнул пряжку, снял с себя пояс и уронил меч с ножнами на поросшую мхом землю. Мастер Кит последовал его примеру, добавив еще и кинжал, вытасченный из рукава. Воин помоложе сгреб все в охапку. Главный лучник развернулся и мгновенно, словно по волшебству, пропал за деревьями. Маркус и Кит не сразу нашли его взглядом, и дальше пришлось не отставать.

Тропа угадывалась лишь по движению южнеца, без этого заметить ее было бы непросто. Деревья и кустарник не обрублены, а лишь слегка выровнены, никаких поврежденных топором веток или подвязанных побегов – ничего, что указывало бы на человеческое вмешательство. Тропа оставалась скрытой и неприметной для глаз. Временами она петляла взад-вперед, особенно под высокими деревьями, где могли прятаться лучники. В отсутствие каменных стен, которые здесь негде было бы ставить, сам лес служил чем-то вроде крепости.

Первые заметные признаки человеческого обиталища появились через добрых полдня. Замощенный камнями двор в окружении тростниковых хижин появился из-за деревьев неожиданно, как возникает из тумана путник. Камни с легким налетом зелени там, где с них соскребли мох, и швы кладки, не покрытые молодой порослью, четко указывали на то, что за порядком здесь тщательно следят: не дать участку, пусть и небольшому, зарости лесом – забота немалая. В дальней части двора высилась статуя, когда-то, по-видимому, изображавшая человека – южнеца, ясурута или первокровного, – но за долгие века утерявшая всякую форму. Под ней стояла самая большая хижина, над которой поднимался белый дым из отверстия наверху.

Главный лучник повернулся к гостям и поднял руку:

– Ждите здесь. Спрошу мать, будет ли говорить.

– Очень благодарен, – ответил Кит, опускаясь на камень.

Капитан тоже присел. Сопровождавшие их воины остались стоять и не снимали оружия, однако Маркус не ощущал от них угрозы: они держались скорее по-хозяйски – словно охотники, притаившиеся домой диковинную птицу. Вскоре из хижин стали выглядывать поселяне. Дети замаячили в дверях, распахивая глаза чуть ли не во все лицо, следом появились заспанные, зевающие женщины и старики. Маркус вечно забывал, что южнецы предпочитают ночной образ жизни: такими их создали драконы. Южнецы выходили медленно – сначала по одному, затем группами, и вот уже на краю двора собралось три или четыре десятка мужчин, женщин и детей, которые гомонили, смеялись и показывали пальцами на чужаков. Маленькие хижины не смогли бы вместить такое количество людей, и капитан решил, что поселяне спят в каких-нибудь подземных сооружениях вроде тоннелей или старых подвалов.

Он почти приготовился сидеть до самой полуночи на гладких камнях, скрестив ноги, изнывая от боли и позволяя всем окрестным насекомым пить из него кровь, однако мать деревни решила сжалиться над чужеземцами. В час, когда солнце скатилось за верхушки деревьев и ставшее розово-золотистым небо тронули пепельные краски сумерек, вернулся главный лучник, рядом с которым шагал старик с золотой цепью на шее и с полосками яркой ткани вокруг локтей и колен – судя по всему, местный ведун. Старик медленно обошел чужаков, дыша шумно и тяжело. У Маркуса волосы на затылке встали дыбом; Кит безмятежно смотрел на ведуна. Тот, сделав полный круг и остановившись, хлопнул в ладоши и что-то выкрикнул. Вспыхнул огонь, резко повеяло зловещим холодом – и вот уже ведун, улыбаясь, подходит к чужеземцам. Он тронул плечо капитана, оба с улыбкой обменялись кивками – стало быть, вся эта магия и устрашение были лишь подготовкой к радушному приему. Улыбка Кита по-прежнему оставалась теплой, открытой и дружелюбной. Стена воинов, стоявших вокруг, распалась, поселяне приблизились к чужеземцам с такой радостью, с таким любопытством, будто Маркус был диковиной вроде двухголового щенка. Девочка лет шести преподнесла ему широкий зеленый лист, а когда капитан принял дар, хихикнула и убежала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.